

Цзян Мэн, чье лицо было покрыто слоями изысканного макияжа, изобразила на нем идеально выверенное удивление, однако в ее сладком голосе скрывалась пропитанная медом отравленная игла.

— Ин-Ин? Ты тоже пришла на прослушивание?

Она ласково подошла ближе и взяла Лу Чжэ под руку, всем телом прильнув к нему, словно заявляя свои права.

— А я уж подумала, что ты вчера рассорилась с компанией и решила не приходить. Это опять сестра Ван помогла тебе пробиться? Ох, эта Ван такая мягкосердечная, вечно печется о тебе. Но хорошо, что ты здесь, лишний шанс — это всегда неплохо. Правда, тебе пришлось нелегко.

В каждой фразе сквозило высокомерие, каждое слово намекало на то, что Сыту Ин стоит здесь лишь благодаря чужой подачке, тогда как она, Цзян Мэн, — истинная избранница судьбы.

Взгляд Лу Чжэ упал на Сыту Ин. В нем больше не было прежней нежности, сменившейся снисходительным осмотром, будто он смотрел на неразумного ребенка, тешащего себя глупыми мечтами. В этом сложном выражении смешались раздражение из-за непокорности, досада от того, что его побеспокоили, и едва заметная капля жалости.

В его глазах Сыту Ин лишь отчаянно цеплялась за соломинку. Без него она — ничто.

Сыту Ин молча смотрела на них. На эту пару, что в прошлой жизни столкнула ее в бездну, а теперь, вообразив себя победителями, разыгрывала перед ней нелепый спектакль. Ее сердце оставалось спокойным, без единой ряби: жгучая боль предательства давно сменилась холодным чувством ненависти.

Она даже не удостоила их лишним словом.

Игнорирование — вот высшая форма презрения.

Сыту Ин отвела взгляд и пошла прямо мимо них. Каблуки звонко и гордо стучали по гладкому мраморному полу. В тот миг, когда она проходила мимо, легкий ветерок взъерошил тщательно уложенные волосы Цзян Мэн.

Улыбка на лице Цзян Мэн застыла.

Брови Лу Чжэ слегка нахмурились.

Что-то было не так. По его представлениям, Сыту Ин должна была либо эмоционально допрашивать их, либо заливаться слезами, но никак не выглядеть такой... пугающе спокойной.

В зале ожидания телестудии уже сидели несколько молодых артистов, пришедших попытать счастья. На лицах каждого читалось напряжение или ожидание. Воздух был пропитан амбициями.

Сыту Ин нашла свободный угол, села и закрыла глаза, чтобы собраться с силами.

Она чувствовала, как взгляды Лу Чжэ и Цзян Мэн, словно острые иглы, вонзаются ей в спину. Они не уходили — явно хотели своими глазами увидеть, как она провалится и с позором покинет студию.

Это было ей только на руку.

— Следующая, Цзян Мэн, — позвал сотрудник.

Цзян Мэн немедленно встала, поправила подол платья, одарила Лу Чжэ сладкой улыбкой и уверенным шагом вошла в закрытую дверь прослушивания.

Сыту Ин медленно открыла глаза. Сквозь дверь доносилась музыка — популярная лирическая песня в сочетании с мягким танцем, в котором была сильна Цзян Мэн.

Стандартно, без единой изюминки.

В прошлой жизни Цзян Мэн получила место именно благодаря этой безопасной тактике и закулисным махинациям толстяка Лю. Но теперь, когда Лю был повержен, в кресле судьи сидел Чжан Чэнде — легендарный продюсер, известный в индустрии своей язвительностью и придиристской придирчивостью. Его называли режиссер Чжан.

Больше всего на свете он ненавидел бездушные, конвейерные выступления.

Как и ожидалось, через пять минут Цзян Мэн вышла. Уверенность исчезла, сменившись натянутой улыбкой, а в глубине глаз затаилась тревога.

— Ну как? — Лу Чжэ шагнул к ней навстречу.

— Судьи... кажется, не очень впечатлились, — голос Цзян Мэн дрогнул. — Но ничего, остальные выступали еще хуже, я точно лучшая из всех.

Сказав это, она вызывающе посмотрела на Сыту Ин.

— Следующая, Сыту Ин.

Сыту Ин встала и под пристальными взглядами Цзян Мэн и Лу Чжэ толкнула дверь.

Внутри было ярко освещено. За длинным столом сидели трое судей. Мужчина в центре, излучавший властность, несомненно, был режиссером Чжаном. Он нетерпеливо крутил в руках ручку, его лицо выражало полное разочарование предыдущими участниками.

— Имя, что подготовили? — спросил режиссер Чжан, даже не подняв головы.

— Сыту Ин, мой номер — Кукла.

Услышав незнакомое название, режиссер Чжан наконец поднял голову. Взгляд его глаз за стеклами очков был острым и оценивающим.

— Оригинал?

— Да.

Двое других судей обменялись скептическими взглядами. Исполнять авторскую песню на прослушивании, да еще и с именем, которое никто не слышал — это самоубийство. Либо ты гений, либо глупец. А в шоу-бизнесе первых единицы, а вторых — пруд пруди.

Любопытство режиссера Чжана было подогрето. Он откинулся на спинку стула и сделал жест: начинай.

За дверью Цзян Мэн не ушла. Она прижалась к стеклянному окну в двери вместе с Лу Чжэ, желая увидеть позор Сыту Ин.

— Она решила петь свое? Совсем с ума сошла, когда она успела научиться писать песни? — в голосе Цзян Мэн сквозило злорадство.

Лу Чжэ молчал, не отрывая взгляда от фигуры внутри. Внезапно он почувствовал, что сегодняшняя Сыту Ин кажется ему настолько чужой, что стало не по себе.

Сыту Ин вышла в центр сцены и не спешила начинать. Она глубоко вдохнула, и стоило ей выдохнуть, как вся ее аура изменилась.

Если секунду назад она была мягким, теплым нефритом, то теперь превратилась в обнаженный клинок, от которого исходила смертоносная острота.

Зазвучала музыка.

Это был странный, витиеватый электронный бит с готическим, мрачным оттенком, который мгновенно захватил внимание каждого. Это было совершенно не похоже на то, что сейчас было популярно на эстраде!

— Когда мир нажимает на кнопку, я открываю глаза, следуя заданной траектории, обнажая улыбку...

В тот миг, когда зазвучал голос, ручка в пальцах режиссера Чжана замерла.

Голос Сыту Ин больше не был привычно мягким — в нем появилась металлическая холодность и пронзительность, каждая нота била по нервам, как барабанный бой.

Ее тело пришло в движение.

Никакой мягкости, как у Цзян Мэн. Ее движения были четкими и резкими, каждый поворот суставов, каждое напряжение мышц были полны взрывной силы. То она походила на марионетку, чьи движения были изломанными и странными, то, сбрасывая оковы, демонстрировала дикую, необузданную свободу.

Сила и красота, отчаяние и бунт идеально сплелись в ней воедино.

— Разорви мой сценарий, перережь мои нити, эту сгнившую сцену я подожгу сама!

Кульминация песни. Она резко потрянула головой, ее взгляд стал острым, как бритва, словно она собралась расплосовать этот фальшивый мир. Это было уже не выступление, а декларация, крик самой души!

Она пела о кукле из текста, но разве не пела она о самой себе из прошлой жизни, которой управляли Лу Чжэ и Цзян Мэн, которой играла судьба? Обманутые чувства, растоптанное достоинство, украденная жизнь — все это в один миг превратилось в пылающий огонь на сцене!

В комнате воцарилась гробовая тишина.

Трое судей, включая известного своей ядовитостью режиссера Чжана, подались вперед. На их лицах читалось нескрываемое потрясение и восторг. Что они только что увидели? Они увидели монстра! Монстра, рожденного для этой сцены!

За дверью злорадство на лице Цзян Мэн застыло, сменившись мертвенной бледностью и неверием.

— Нет... невозможно... как это может быть Сыту Ин? — бормотала она, ее тело непроизвольно

дрожало.

Лу Чжэ словно громом поразило.

Сыту Ин, которую он знал, всегда была покорной, послушной девочкой, что ходила за ним по пятам, смотрела снизу вверх и почитала каждое его слово как закон. Но кто этот человек перед ним? Этот ослепительный, режущий глаза свет, эта аура превосходства — он никогда этого не видел.

Песня закончилась. Сыту Ин сбросила напряжение и тихо замерла в центре сцены. На висках выступили капельки пота, грудь тяжело вздымалась.

Мертвая тишина длилась целых десять секунд.

— Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Режиссер Чжан резко вскочил и начал яростно аплодировать, его восторг невозможно было скрыть.

— Хорошо! Просто отлично! — громко воскликнул он, забыв о своей прежней язвительности. — Тебя зовут Сыту Ин, верно? Я тебя запомнил! Этой сцене нужны такие сюрпризы! Нужна энергия, способная снести крышу!

Он повернулся к помощнику режиссера и безапелляционным тоном объявил:

— Берем ее! На роль приглашенного участника — только она!

Вопрос был решен.

За дверью Цзян Мэн пошатнулась, едва устояв на ногах.

Она проиграла? Она проиграла Сыту Ин? Так позорно, без единого шанса на успех? Сыту Ин, которую она всегда держала под каблуком как фон, на ее же глазах вырвала у нее тот самый момент триумфа!

Сыту Ин низко поклонилась судьям, развернулась и толкнула дверь.

Она спокойно прошла мимо мертвенно-бледной Цзян Мэн и Лу Чжэ с его сложным выражением лица, не замедлив шага ни на секунду.

В тот миг, когда она проходила мимо, Сыту Ин слегка повернула голову и одарила их холодной,

ослепительной улыбкой.

Ее губы беззвучно шевельнулись.

Лу Чжэ и Цзян Мэн отчетливо прочли по губам эти два слова.

— Началось.

Готовы?

<http://bllate.org/book/18741/1812509>